

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 23 (82)

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА КАБАРДИНСКИЕ ХАДЖРЕТЫ В ЧЕРКЕССКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ В ПЕРИОД С 1822 ПО 1829 ГОД

Продолжение,
предшествующие главы в
выпусках 20 (79) - 22 (81)

10 января 1824 г. состоялась карательная экспедиция под начальством Кацырева против бжедуг. Население пыталось скрыться: «Но большая часть все-таки была окружена – и из всего огромного обоза только сто пятьдесят человек стариков, женщин и детей было захвачено в плен; все остальное, пытавшееся сопротивляться, было перебито или потоплено... Император Александр, узнав об экспедиции, остался весьма недоволен кровавым эпизодом на переправе. Кацыреву объявлен был выговор, но Ермолов энергично отстаивал его...». (Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Вып. III. СПб., 1888. С. 487). У Радожицкого расправа на переправе описана таким образом: «...большая часть сидевших на арбах женщин с малолетними побрасались в воду, где многие были перебиты и потоплены, захвачено в плен только 30 душ и 300 скотин». Одновременно часть отряда ударила по аулу бжедугского владельца Берслена Гаджи: в соседнем лесу роты захватили 110 душ и 300 скотин». «В этом набеге с нашей стороны убито два казака, ранен капитан Поленов и два рядовых. Черкесы, кроме взятых в плен 143 душ, потеряли погибшими в речке и в лесу значительное число». (Походные записки артиллериста в Азии с 1823 по 1831 г. // РГВИА. Ф. 482. Д. 135. С. 52-55).

Радожицкий описал погром хатукаевского аула на Белой. Кацырев направил тысячу казаков под начальством Дадымова: «без выстрела с пиками бросились в аул и там кололи всех встречающихся. Между тем, большая часть жителей спаслась; в плен перегнали только 50 душ и взяли 150 скотин». Войска захватили еще 1000 овец и пытались переправить их через реку, но их уносило течением (Там же. С. 71-73). Хатукаевцы в числе 200 человек пытались преследовать отряд на его обратном пути и при этом потеряли убитыми узденей Алхаса Петисо-

ва, Заурбека Борока, Гаджи-Али Хотука и других.

Радожицкий восхищается Кацыревым: «полковник Кацырев задал кровавый пир закубанцам». (Там же. С. 46). Как участник этих событий, Радожицкий описал систему набегов, которую практиковал Кацырев: «К утру они нападают на сонных горцев внезапно, бьют, колят их, берут жен и детей в плен и, наводя ужас, с богатой добычей возвращаются в свои границы». (Там же. С. 49-50). В другом месте автор вновь возвращается к описанию действий Кацырева: «За самое лучшее признает он нападать на них нечаянно в жилищах и, истреблением семейств, наводить ужас, для того, чтобы прочих заставить отойти далее в горы от наших границ; тогда они будут стеснены и по недостатку земли должны или истреблять друг друга, или покоряться нам». (Там же. С. 78-79).

Радожицкий указывает на требование Вельяминова к бесленеевцам не принимать у себя беглых кабардинцев: «первое, вы не должны принимать к себе беглых кабардинцев; откуда они будут скрываться между вами, вы не можете надеяться, чтобы русские войска оставили вас в покое». (Там же. С. 81).

Радожицкий сообщает о переселении Асламбека Бесленова с Урупа к Каменному мосту: «надеясь там в смежности с карачаевцами быть безопасным от набегов наших войск. В этом переселении сделали ему помощь скотом и арбами абазинцы, живущие на вершинах рек Зеленчуков». (Там же. С. 89). Затем командование объявило князю, что «на речке Марухе у Каменного моста на Кубани беглым кабардинцам селиться не позволяется и что поэтому переселившиеся туда не могут быть безопасны». (Там же. С. 102). Согласно Радожицкому, Кацырев сообщал Вельяминову: «...уведомил Аслан Бека, что по полученному от ген. Ермолова предписанию, беглым кабардинцам нигде иначе не позволяется селиться, как в Кабарде между Урухом и Малкой ниже линии крепостей и по этому приказу Аслан Бека

склонить добровольно или принудить силой». (Там же. С. 103). Асламбек Бесленов не ответил Кацыреву, но переселился на верхнюю Лабу, за гору Ахмат. (Там же. С. 104).

4 февраля 1824 г. Кацырев атаковал темиргоевский аул Мишхион и «не оставил в нем камня на камне. Та же участь постигла и другой, соседний аул. Потери горцев были огромны, 250 человек из них взяты в плен, скота отбито более двух тысяч голов». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 488).

У Радожицкого в этот день, 4 февраля, отряд Кацырева устраивает погром мамхеговских аулов на р. Уль: «...он окружил казаками многолюднейший [аул], часть конных и спешивших послал в аул, где все сопротивлявшиеся и почти сонные были побиты, а хотевшие спастись были настигнуты оставленными вне аула казаками. По истреблении убийством и огнем большого аула, казаки обратились к оставшимся позади [двум аулам], но уже в них людей не застали». На следующий день эти два аула также были сожжены и отряд начал отступление к Кубани. Итоги: «Черкесы, кроме погибших в большом ауле, потеряли пленными 292 души, в том числе было христиан невольников шесть, скота захвачено 100 голов, за то выпущено боевых патронов 36,197». (Походные записки... С. 59-61).

8 марта 1824 г. Кацырев сжигает аул, название которого не указывается, на левом берегу Белой, жители успели бежать в лес. (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 490-491). 15 мая 1824 г. Кацырев сжег два больших бесленеевских аула в верховьях Тегеней, население успело бежать.

19 июня 1824 г. – погром, учиненный отрядом Кацырева в 3-х больших абазинских аулах на Малом Зеленчуке, принадлежавших князьям Клычевым и Дударуковым. «Но прежде чем напасть на них, Кацырев принял меры к тому, чтобы усыпить их бдительность, и лучший лазутчик его князь Данбек-Лов отправился с этой целью в землю соотечественников. Лов ездил по

аулам, куначил и бражничал там, уверяя всех и каждого, что Кацырев собирается идти к абадзехам, а об них и не думает». Войска ворвались в аулы, и «скоро в них бурно уже шумели и ходили волны пламени... началось поголовное истребление... Двести трупов разбросаны были по оврагам и лесным тропинкам; триста семьдесят пленных, согнанных в кучу, стояли под конвоем, оглашая воздух воплями. В числе убитых лежали тела: карачаевского старшины Кубиева (Хубиева. – Прим. С. Х.) и молодого сына известного кабардинского князя Магомета Атажукина. Оба владельца аулов, Клычев и князь Мамсир Дударуков, также пали в битве... Потери горцев в действительности были гораздо значительнее, чем даже казались по первому взгляду. Многие из жителей, не отысканные вовсе, сделались жертвой случайных обстоятельств, многие потонули при спешной переправе через реку; особенно много гибло детей, которых спастись было некому». (Там же. С. 493-496). Замечание Радожицкого на предательство Данбека Лоова: «Так можно и между черкесами находить князей с продажной совестью». (Походные записки... С. 106).

28 июля 1824 г. Кацырев сжигает аулы Дударукова на Большом Зеленчуке, жители успели бежать, войскам досталось 700 голов рогатого скота и 5 тысяч овец. (Потто В. А. Т. 2. Вып. III. С. 498).

6 августа 1824 г. Кацырев громит аулы Джантемирова: «Пятого августа, ночью, войска перешли Каменный Мост, затем утесистое ущелье и к свету шестого числа были в абазинских аулах Джантемирова, обоз беглецов «был окружен, и все, что оказало сопротивление, погибло, а тридцать девять душ отдалось в плен». (Там же. С. 498).

7 августа 1824 г. войска Кацырева в Верховьях Зеленчука «сожгли несколько брошенных аулов и вытоптали поля, принадлежавшие джантемировцам». (Там же. С. 498).

8 августа 1824 г. отряд Кацырева наносит удар по аулам кабардинцев на Урупе, предав

«истреблению хлеба и аулы беглых кабардинцев». (Там же. С. 499).

28 августа 1824 г. Кацырев «пустил войска топтать и истреблять на расстоянии нескольких верст обширные поля, засеянные просом. Бесленеевцы с горестью видели уничтожение последних средств своего существования, не имея возможности воспрепятствовать ему по своей малочисленности». (Там же. С. 500).

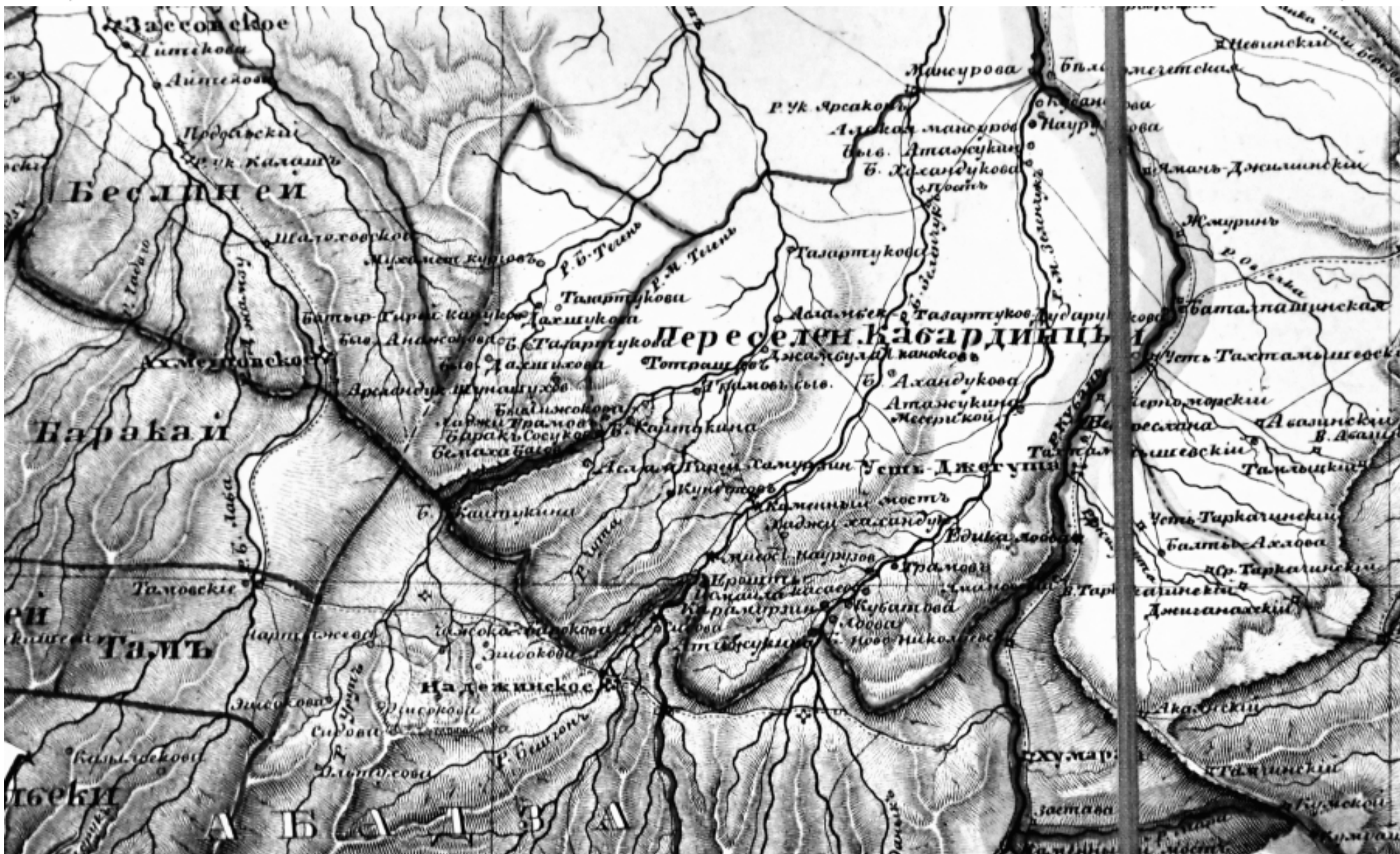
28 сентября 1824 г., то есть сразу за разорительным походом Кацырева, в Закубанье входит Вельяминов во главе 5 батальонов пехоты, 2 конных казачьих полков, еще 2 сотен казаков и 20 орудий. Вельяминов простоял на Лаб с 20.09. по 18.10.1824 г. «Впрочем, Кацырев воспользовался этим временем для двух набегов на кабардинские коши и захватил в них более двух тысяч баранов». (Там же. С. 506).

18 октября 1824 г. Вельяминов перешел на Ходзь. «Кацырев, между тем, сделал отсюда новый набег на махашевцев, но нашел аулы пустыми и захватил только двадцать четыре человека пленных и до семисот штук рогатого скота». Главным же результатом этого набег было то, что махашевцы и бесленеевцы прислали аманатов. От абадзехов потребовали также заложников, но те отказались. Вельяминов до времени оставил их в покое, удовольствовавшись отгоном у них до 3 тысяч голов скота. (Там же. С. 506).

25 октября 1824 г. Кацырев «вновь попытался захватить врасплох абазинские аулы, но на этот раз бдительность горцев оказалась чрезвычайной, и движение отряда немедленно было открыто; сигнальные выстрелы один за другим поднимали жителей, и где ни появлялся Кацырев, он находил лишь пустые, безжизненные аулы... Нужно, однако, сказать, что самое присутствие за Кубанью отряда Вельяминова наносило черкесам весьма ощутимый вред уже тем, что семьи их, вынужденные в глубокую ненастную осень скитаться без приюта по горам и лесам, гибли если не от русских пуль, то от болезней и голода». (Там же. С. 506).

Черкесы во главе с Джембулатом Айтековым-Болотоковым и Исмаилом Касаевым

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Карта Кавказского края. Составлена и литографирована при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. Тифлис, 1842. Масштаб: 8,4 км в 1 см. Карта содержит «Таблицу числа душ обоого пола жителей Кавказского края, с разделением их по религии, и означением степени покорности российскому правительству». РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5/III-3.

Согласно составителям карты, «поселенных» кабардинцев, то есть приобретших статус «мирных» бывших хаджретов, вместе с карачаевцами, насчитывалось 11.650 (все магометане и все полупокорные). В Большой Кабарде – 24.950 (все магометане и без указания на покорность или непокорность). В Малой Кабарде – 8.400 (все магометане и без указания статуса). Эти сведения даны в рамках подотдела III: «Племя кабардинское происходящее от черкес».

I-й подотдел раздела «Горские народы» посвящен абхазам и назван «Племя абхазское». В нем пять пунктов: 1) Абхазия – 94.023 (из них христиан 39.023; мусульман 55.000). 2) Самурзакань – 9.896 (христиан 5.896; мусульман 4.000). 3) Цебельда – 9.327 (христиан 0, мусульман 9.327: полупокорные). 4) Садзен или джигеты – 16.923 (христиан 0; все мусульмане, из них полупокорных – 923, непокорных – 16.000). 5) Абадза – 6.180 (христиане не указаны; магометане – 1.870, из которых непокорных 4.310, покорных – не указано).

Затем следует подотдел II-й: «Племя черкесское (адыге)». В нем 11 пунктов: 1) Убых – 25.000 (все магометане и все непокорные). 2) Шапсуг, 3) Натхокуадж или натухайцы и 4) Шегек – 80.000 (все магометане и все непокорные). 5) Абадзех – 120.000 (все магометане и все непокорные). 6) Бжедухи, 7) Кемюргой, 8) Егерукай, 9) Гатюкой, 10) Мохош и 11) Беслиней – 11.060 (все магометане и все непокорные). Общая численность адыгов (без кабардинцев) указана как 236.060. Очевидно, что перед нами крайне заниженная численность.

предприняли успешный рейд 21.10 – 04.11.1824 г., длившийся две недели и продемонстрировавший царскому военному командованию в регионе мощь черкесской кавалерии. Этому рейду посвящена глава XXIX «Набег Джембулата» во втором томе «Кавказской войны» В. А. Потто. (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 503-516). Этот рейд стал ответной акцией на многочисленные и массированные карательные экспедиции Вельяминова и Кацырева.

Потто обращает внимание на усталость казачьих лошадей, из-за чего невозможно было преследовать черкесов. И это притом, что черкесская конница сделала гораздо больший переход. Значительный отряд Вельяминова простоял на Лабе с 20.09 по 18.10.1824 г. в ожидании наступления анапского паши. Паша не появился и, по всей видимости, не собирался в поход в условиях прочного мира с Российской империей.

Отряд Вельяминова состоял из 5 батальонов, 2 казачьих

полков, еще 2 сотен казаков, 20 орудий. Помимо этого главного отряда, вступившего в Черкесию, в Тахтамышском ногайском ауле был сконцентрирован отряд полковника Победнова, состоявший из 1.000 ногайцев, роты Тенгинского полка, 2 сотен казаков при 2 орудиях конной артиллерии. Помимо отряда Победнова был сформирован еще отряд полковника Исаева из 1.000 человек и 2 орудий. Победнов и Исаев оставались сторожить правый берег Кубани, тогда как сам командующий Вельяминов жаждал погасить наступательный порыв черкесов на собственно черкесской территории. Неприятель, тем не менее, не показывался, ходили только слухи о готовящемся прорыве. Пока Кацырев, отделившись от основного отряда, захватывал 2.000 баранов на кабардинских кошах, черкесы нигде не появлялись и выжидали.

Вельяминов чувствовал, что готовится незаурядная акция и настойчиво требовал от Победнова и Исаева быть начеку:

«Неприятель собирается в значительных силах, чтобы ворваться в наши пределы; я нахожусь с отрядом на Лабе и надеюсь не упустить его из виду, но так как черкесская конница может выиграть большой переход и появиться на Кубани прежде, чем я успею настигнуть ее, то вам, со своей стороны, нужно принять меры, которые поставили бы вас в состояние сражаться с закубанцами, если бы им удалось уйти от меня». (Там же. С. 505).

Прежде чем ретироваться, Вельяминов реквизировал у абадзехов 3.000 баранов, совершил рейд на махошевские аулы, где захватил 24 человека и до 700 штук рогатого скота. «Нужно, однако, сказать, что само присутствие за Кубанью отряда Вельяминова наносило черкесам весьма ощутимый вред уже тем, что семьи их, вынужденные скитаться в глубокую ненастную осень скитаться без приюта по горам и лесам, гибли если не от русских пуль, то от болезней и голода». 18 ноября Ве-

льяминов был вынужден ретироваться, а 21 ноября начинает свои действия Джембулат Болотоков во главе абадзехско-кабардинского отряда. Во главе кабардинского ополчения был, как пишет Потто, 18-летний Исмаил Касаев.

При описании дальнейших событий совершенно не говорится о Вельяминове и Кацыреве, главных военачальниках в регионе, но вся ответственность перекладывается на Победнова и Исаева. «Победнов, почему-то представлявший себе неприятеля в громадных силах, не решился идти на встречу и пропустил его на русскую сторону без выстрела, не сделав даже шагу из Тахтамышского аула». Затем Потто пересказывает целую цепь ошибок и нерешительных, по его мнению, действий Победнова и Исаева.

В начальной фазе рейда Касаев действовал отдельно от Болотокова, к которому присоединился после разгрома 04.11.1824 г. Шошинского поста и хутора: на посту были убиты 16 казаков во главе с

зауряд-хорунжим Волжского линейного полка Федотовым, на хуторе – 6 убитых, 4 раненых и 17 плененных. После этого Касаев быстро соединился с Болотоковым. Разгром Шошинского хутора вызвал тревогу по всей линии. Из селения Александрия выступила сборная команда хоперских и донских казаков во главе с есаулом Поповым. Преследовать черкесов кинулся с наличными силами (до 200 ногайцев) находившийся у себя в ауле генерал-майор Султан Менгли-Гирей. Всадников, исправно вооруженных, в его отряде было порядка 50 и он просто следовал за Касаевым, ожидая прибытия войск. У речки Барсуклы есаул Попов настиг черкесов, но «также, не решаясь один ударить на сильного неприятеля, ограничивался только наблюдением». Черкесский отряд двигался шагом и, более того, часто останавливался, проявляя решимость к стычке. В это самое время Победнов и Исаев находились в Воронсколеске и на Соленых озерах, достаточно дале-

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

ко от места событий.

В полдень этого же дня (04.11) появился отряд Победнова. Ободренные его появлением, на черкесов, гнавших табун ногайских лошадей, числом до 3.000 голов, кинулись ногайцы во главе с мурзами Салибеем Мансуровым, Музой Тагановым и сыном Менгли-Гирея Аслан-Гиреем. Атака ногайцев была неудачной: Мансуров получил тяжелые ранения и умер на следующий день. В дело вступила команда Попова, но оказалась прижатой к высокому берегу Барсукулы черкесами. Интересно, что командир сумел ретироваться, оставив своих подчиненных. Те спешили и заняли оборону на берегу. «А на соседних высотах, «хладнокровно», как выражается Вельяминов, стоял отряд полковника Победнова. Радожицкий рассказывает, что один из казачьих офицеров под градом неприятельских пуль прискакал к Победнову с просьбой о помощи. Полковник не только ответил ему выговором, как он осмелится с горстью казаков браться на столь многочисленного неприятеля, но угрожал даже Сибирью... Благородный офицер повернул коня и поскакал к оставленным товарищам. Горцы пересекли ему путь, и он пал, расстрелянный пулями и изрубленный шашками [это уже литературная аффектация образа храброго воина, которого недостаточно сразить одним выстрелом, но надобно изрешетить пулями и потом еще рубить. — [Прим. С. Х.]].»

В своей реляции Вельяминов не указал ни поступка, ни имени храбрца. «А окруженные казаки, между тем, отчаянно бились с наступавшими на них абадзехами – и все до одного полегли на месте». 23 казака погибли и еще 2 получили тяжелые ранения. Потто подводит предварительные итоги: «Так кровавый набег Джамбулата стоил русским трех храбрейших офицеров и до пятидесяти лучших казаков и ногойцев, не считая крестьян». Затем еще потери ногойцев: «Уничтожив горсть геройских защитников и отбив обратно табун, Джембулат на глазах Победнова спокойно переправился через Куму и там остановился кормить лошадей. Подвигая шаг за шагом, отряд Победнова опять сблизились с неприятелем. Тогда храбрый Аслан-Гирей и другие ногойские мурзы не выдержали и вновь одни ударили на хищников. Половина неприятельской партии села на коней, чтобы встретить ногойцев, и те, подавляемые силой и не поддержанные Победновым, вновь вынуждены были отступить. Бешеная атака стоила им опять двух убитых князей, братьев Дженаевых, и двух простых всадников».

Вечером отряд Джамбулата достиг Подкумка и двинулся лесистым ущельем между Бургустанским укреплением и Открытым постом. Проводив Джамбулата до Подкумка, Победнов и вовсе отказался от

преследования, и пошел к Ха-хандуковскому укреплению. Здесь он провел сутки и уже 06.11 получил запоздалое предписание Вельяминова о переводе аула Росламбека на правый берег Кубани. Предписание это было дано Вельяминовым еще до всех описанных событий. «Об исполнении распоряжения этого, данного при совершенно иных обстоятельствах, казалось бы, теперь нечего было и думать, но Победнов тотчас взялся за него и двинулся к Каменному Мосту. Росламбекова аула он, разумеется, не застал [поскольку Росламбек со своими подданными успел бежать к остальным кабардинцам, поближе к Абадзехии. – Прим. С. Х.], но этим движением уже окончательно выпустил из вида Джембулата». Не застав Росламбека, Победнов возвратился в свою квартиру в Тохтамышском ауле. Преследованием Джамбулата занимались еще некоторое время одни только ногайцы, озадаченные потерей громадного числа лошадей. Но и они разъехались по домам.

Получается весьма необычная картина: воинский начальник, от распоряжений которого зависит безопасность границы, а именно Вельяминов, просто отсутствует в самый ответственный момент. Его непосредственный подчиненный, ведущий преследование, вдруг, так и не атаковав ни разу противника, внезапно ретируется без всякого предлога, оставив Джамбулат в глубоком тылу.

Более того, «действия Исаева во все это время были еще бессвязнее, бесцельнее и страннее, чем действия Победнова». Со своим отрядом он метался по району Кубань-Кума и сумел не обнаружить противника и не успеть ни на одно из боестолкновений.

Джамбулат, согласно Потто, не мог предположить, что два русских отряда, обязанных противодействовать ему, просто ушли с театра военных действий и оставили ему на выбор – идти в Кабарду на Малку, где, вполне вероятно, он мог действовать с не меньшим успехом или спокойно удалиться в Закубанье. Он посчитал, что самое время возвращаться, что он и сделал 04.11.1824г.

Критика действий Победно-ва и Исаева последовала толь-ко через 15 дней. 20.11.1824г. Вельяминов подвел итоги: «Ук-лонение войска Донского пол-ковника Победнова от сраже-ния не позволяет иметь к нему ни малейшего доверия, а пото-му кордон, состоящий под его начальством, поручается ко-мандиру Кубанского казачь-его полка подполковнику Степа-новскому. Не более похвалы заслуживают и действия пол-ковника Исаева, который упот-ребил все искусство, чтобы не встретиться с неприятелем. Подобные действия также не внушают доверенности, и кор-дон, находящийся под его на-чальством, поручается войска Донского войсковому старшине Грекову Четырнадцатому».

Потто совершенно обходит своим вниманием вопрос об ответственности за этот ошутимый тактический провал Вельяминова. Действительно, если мы согласимся с оценкой Вельяминова о неспособности этих двух командиров, то остается вопрос: чем все это время занимались два других хабрбейца – Вельяминов и Кацывев. Джембулат действовал 2 недели!

Видно, как две военные доктрины существуют в одно время и на одном театре военных действий, но в различных измерениях. Вельяминов собирает многочисленный отряд с 20 пушками и медленно движется по Закубанью. Из отряда высылаются колонны для уничтожения — не адыгских отрядов — но системы жизнеобеспечения. Аулы горят десятками, но армада вынужденно, через 2-3 недели, ретируется. С этим методом адыги не в состоянии совладать. Но и с адыгской конницей в 1.000-2.000 всадников во главе с Джамбулатом не в состоянии совладать на просторах правобережья Кубани все тот же Вельяминов. Он теряет репутацию перед начальством своим очевидным бездействием, а ответственность перекладывает на двух полковников — Победнова и Исаева. Эти двое, хотя у каждого из них было сил больше, чем у Джамбулата, просто боялись его, то есть боялись черкесской конницы на просторе. Они не отваживаются на фронтальное столкновение, не успевают, не окружают, а, оказавшись на расстоянии удара, откровенно пасуют.

Эта очевидная тактическая беспомощность причиняла в основном морально-психологический урон, но никоим образом не угрожала полным разгромом. Вельяминов подошел к вопросу о противодействии черкесской коннице с тех же позиций, с каких, в целом, рассматривалась эффективность методов ведения военных действий против черкесов. Решено было нанести удар по самой основе конной войны – по лошадям, то есть лишить, по возможности, максимально полно, черкесов всего их лошадиного поголовья. Об этой цели он прямо пишет в своих реляциях и аналитических записках. Совершенно неслучайным является набег Кацырева в декабре этого же – 1824-го – года на владения князя Мисо-ста Айтекова-Болотокова, в ходе которого на темиргоевских пастбищах было захвачено порядка 1000 лошадей. Потто объясняет это стремлением отомстить Джамбулату за его рейд, но месть последовала позднее и была дико неадекватна тому урону, который нанес Джамбулат.

Любопытно, что Исмаил Касаев и Джамбулат Айтеков едва не породнились. С. Н. Бейтуганов приводит интересный документ, свидетельствующий, что Исмаил хотел выдать свою сестру (вариант: племянницу) за Джамбулата. Звали ее Сластamina (Слоета-

ма) и она являлась вдовой ген.-м. Бековича-Черкасского. В 1834 г. к ней посватался Атажуко Атажукин. Сватовство происходило в ауле прапорщика Докшуко Касаева на Баксане. Но вряд ли Докшуко был отцом невесты – как максимум, он приходился ей братом. Судьбой Сластамины считал себя вправе распоряжаться как раз таки Исмаил Касаев, вероятно, ее родной дядя. Он передавал ей, чтобы она «без приказания его ни за кого не выходила в Кабарде замуж, и с тем вместе объявил, что он при удобном случае увезет ее за Кубань и там отдаст замуж за стоящего ее чермурчеевского (темиргоевского. – Прим. С. Х.) князя Жембата Айтерова». (Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: «Эльбрус», 2007. С. 257).

Атажукины, согласно сведениям закубанского пристава Венеровского, еще и в 1835 г. недовольствовались и интриговали против Исмаила Касаева за то, что он не выдал за их родственника свою сестру: «А Атажукины в ссоре за то, что не выдал по желанию их Атажуке Атажукину в замужество родной сестры своей бывшей за покойным генерал-майором князем Бековичем Черкасским». (Рапорт исправляющего должность главного пристава закубанских народов штабс-капитана Венеровского командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину ген.-лейт. и кавалеру Вельяминову, за ... сентября 1835 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 18. Переписка о кабардинских князьях Исмаиле Касаеве и Джамбулате Атажукине, покорившихся русским, сведения о местности и условиях жизни в Кабарде. 31 января – 16 сентября 1835 г. 18 октября 1836 г. Л. 4).

Весьма символично, что еще один видный хаджрет – Арслан-Гирей Бесленев, тот самый, который пленил барона Торнау, по всей видимости сын Арсламбека Бесленева также был во вражде с Исмаилом Касаевым из-за женщины. Венеровский отмечал, что «кабардинский князь Арслан-гирей Биарсланов... непримиримый враг Касаеву за кражу засватанной Арслангиреем невесты». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 18. Л. 4). Вероятно, это та самая бесленевская княжна Гуаша-Фуджа, о которой так много повествовал Торнау. Если же это другая девушка, то Арслан-Гирея преследовало какое-то фатальное и оскорбительное невезение, поскольку бесленевскую княжну у него отбил его двоюродный брат Адиль-Гирей. В этом деле мог участвовать каким-то образом Исмаил, стараясь, к примеру, не столько ради Адиль-Гирея, сколько против Арслан-Гирея. Но мог иметь место еще один схожий случай, когда Исмаил отбил невесту для себя.

В феврале 1825 г. Ермолову были представлены списки князей и тлеотлешей Большой

и Малой Кабарды, а также сводка численности по сословиям, без учета женщин: князей – 50, узденей первостепенных – 301, второстепенных – 234, 3-й и 4-й степеней – 2499, «вольных» – 4404, «чагар княжеских и узденских» – 1302, «холопов» – 4667, «дворовых слуг» – 154, всего – 13611 человек. (Рапорт подполк. Булгакова ген. Ермолову, от 28 февраля 1825 года, № 147. Налчик // АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 476). Эта ведомость явно не соответствовала действительности, поскольку, очевидно, не учитывала княжеской молодежи – детей и подростков. Та генеалогическая таблица, которую нам удалось составить для этой статьи, содержит имена более ста князей, живших в 20-30-е гг. XIX в. Только в числе хаджиретов насчитывалось, по крайней мере, 25 князей. Обращает на себя внимание крайняя немногочисленность дворовых слуг – их указано в два раза меньше, чем первостепенных уорков.

Сам факт переписи закреплял итоги колониального администрирования: внедрения российских институтов управления, начало налогообложения.

В этот период, в 1825-1829 гг., в Абадзехии, в которой и рядом с которой находилось большинство кабардинских хаджретов, происходил диаметрально противоположный процесс – введение шариата. Этот процесс был направлен на консолидацию в единый государственный механизм адыгского населения с целью противостоять колониальной угрозе. Введение шариата стало первым шагом в строительстве адыгского мусульманского государства. Следом за юридической реформой следовала административная и налоговая реформы.

1 апреля 1825 г. Вельминов во главе 3 батальонов пехоты и 2 линейных казачьих полков, при 18 орудиях вновь вступает в Черкесию. 4 апреля от основного отряда отделился отряд под командованием полковника Бековича-Черкасского и направился на аул кабардинского князя-хаджрета Али Карамурзина. «Заря чуть брезжилась, аул крепко спал и был захвачен совершенно врасплох... В плен взято только 139 душ, все остальное население погибло или в бою, или в плену. Линейцы собрали и похоронили 570 трупов, но по свидетельству самих кабардинцев одних убитых между ними было более тысячи человек». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 520-521).

В рукописи Радзюжского этот погром описан следующим образом: «Князь Бекович собрал казаков и сказал им выразительно: «Ребята, кто сделает хорошо свое дело, тот будет награжден, а грабителей я расстреляю!». [Дальнейшее описание говорит только о грабеже и ни слова о недовольстве им со стороны Бековича. Поэтому, речь шла о том, что никто не должен увлекаться грабежом до того, как поражен

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

противник. — Прим. С. Х.]. Тотчас послал он сотню казаков влево мимо леса, полсотни вправо от берега, а сам с 200 спустился в аул; причем велел без крика колоть вооруженных, отнюдь не стреляя из ружей. Однако часть казаков завела перестрелку, а другая бросилась в сабли за добычей; тогда он задним велел стрелять в передних, а для отклонения грабежа приказал зажигать аул со всех сторон. Майор Дадымов с своим Кавказским полком наиболее содействовал успеху всех распоряжений князя; он пронесся через весь аул с одного конца на другой, казаки его кололи всех встречавшихся, а сам он налетел на князя Али-Кара-Мирзу, которого знал. Полураздетый князь выстрелил по нем мимо, тогда Дадымов вскричал ему по-черкесски: «Теперь ты мой!» и пистолетным выстрелом положил его на месте: пуля прошла ниже правого глаза взатылок насквозь. Все кабардинцы выскочили из саблей полураздетые и встречали верную смерть потому, что в торопях не знали как защититься, между тем казаки их нещадно кололи. Жена Али-Кара-Мирзы вышла держа в руках мешок с семьюстами червонцами; казаки выхватили у нее золото и за это оставили в живых. Другая женщина, жена убитого узденя, бросила чепуху реста червонцев в курное место, и сама, ставши тут, зажгла все вокруг себя и сгорела вместе с золотом. После того в разных местах между пеплом сгоревших саблей находили слитки золота и серебра. На месте погребено было 570 тел и найдено в разных местах до 100 тел, выкинутых водой из реки. Из всего аула спаслось только 139 душ обоего пола; погибло значительных узденей 10 (здесь не четко: может быть, 18. — Прим. С. Х.) и более известных до 50. У нас ранены только два казака. Много богатства досталось в жертву пламени, но и казаки довольно поживились деньгами, оружием и всяким имуществом. Лошадей отбито 665, рогатой скотины 530, и овец 2300. Никогда не бывало столь удачно-го набега с такими незначительными силами и с такой малой потерей... Замечательно, что такое ужасное истребление нанес кабардинцам их же соплеменник кабардинский князь Бекович Черкасский из колена Джембулатова рода; у черкесов он известен под именем Тембота, или Темир-Булата». (Походные записки... С. 184-186).

После разгрома Карамурзинского аула на место трагедии примчались 300 кабардинцев из аулов Джембулата Кайтукина и Кучука Аджигиреева, «но было уже поздно — князь Бекович успел миновать страшную теснину и был в безопасности». (Утверждение русского владычества... Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. С. 195). Карта из «Утверждения...», на которой отмечены аулы Али Карамурзина и Кучука Аджи-

гиреева, приводится в предыдущем выпуске «Ликов...».

О масштабах избиения, усвоенного Бековичем в Карамурзинском ауле, в ноябре 1825 г. писал Вельяминов: «Сверх того должно еще считать, что в прошедшую весну половина беглых кабардинцев истреблена». (Из архива князей Бековичей-Черкасских // Кавказский сборник. Т. XXX. Тифлис, 1910. С. 41). После этого, по мнению Вельяминова, закубанцы (вероятно, командующий имел в виду кабардинцев и бесленеевцев) совокупно не смогут выставить более 1.500 добродетельных и хорошо экипированных воинов.

В другой своей работе, написанной в соавторстве с Н. С. Аносовым и В. И. Томкеевым, Потто вводит в оборот воспоминания черкесов об этой трагедии, записанные А. А. Проречавским в Ульском ауле со слов Хадри Шогенова и Султана Шахин-Гирея:

«Еще накануне вечером, когда совершенно стемнело, в аул Карамурзина прискакал незнакомый всадник, весь закутанный башлыком и буркой. Он тихо постучал в оконце княжеской сабли, и, вызвав самого Карамурзина, отвел его в сторону. «Я служу русским», — сказал он, — но судьба детей и женщин твоего аула внушила мне жалость. Спасайте семьи. Сегодня или завтра нагрянут русские — их ведет Вельяминов». Заметив на лице князя раздумье, он прибавил: «Поступай как знаешь. Я предупредил тебя и теперь еду к русским. — «Скажи, как твое имя? — спросил Карамурзин. «Я бесленеевский уздень Крым-Гирей Довшоков», отвечал незнакомец, и, ударив коня плетью, скрылся из виду.

Карамурзин тотчас собрал на совет стариков, но его никто не послушал. «Сколько раз, — говорили они, — нас поднимали ночью, заставляли бежать и всегда напрасно; ни Вельяминов, ни Коцарев никогда не доходили до нас. Мы живем позади бесленеевцев, которые не пропускают русских, да и русские не пройдут мимо, чтобы их не ограбить; следовательно, уйти всегда будет время». Карамурзин уступил эти доводы. «Хорошо, — сказал он, — я останусь с вами. Но если меня сегодня убьют, то передайте всем, что Крым-Гирей Давшоков предупреждал вас». (Утверждение... Т. III. Ч. 2. С. 191-192). Затем Давшоков действительно возвратился к отряду Вельяминова и сообщил, что аул Карамурзина пуст. Согласно рапорту самого Вельяминова, на который ссылается Потто, командующий не поверил докладу своего лазутчика: «Известие это показалось мне странным; я усомнился в нем, потому что войска шли по ночам и весьма скрытно; правда, хотя и за всем тем движение их могло быть как-нибудь замечено или открыто посредством армян, торгующих на меновых дворах, но намерение мое напасть на аул Али Кара-

мурзина никак не могло быть известным, ибо множество других аулов имели столько же причин опасаться нашего нападения. Я решился идти далее с тем, что если не удастся напасть на аул, то, по крайней мере, заставить его совсем уйти к абадзехам, где кабардинцы находятся в весьма стесненном положении». Затем Потто с соавторами соединяет данные рапорта Вельяминова с теми рассказами, которые были записаны в Ульском ауле: «В это время к Вельяминову подъехал другой лазутчик Шавгуров и шепнул ему на ухо: «Не верь Давшокову: он изменник и лжет. Я сейчас поеду сам и узнаю правду; никто не мог предупредить Карамурзина». К вечеру он вернулся и сообщил, что аул стоит на месте».

Давшокова арестовали, а Вельяминов двинул к аулу всех линейных казаков под начальством князя Бековича-Черкасского, «приказав ему как можно скорее обложить аул и держать его в блокаде до прибытия пехоты». (Там же. С. 192-193). Давшоков был казнен Вельяминовым, но и верные псы рыжего генерала — лазутчики Шавгуров и Астемиров — были убиты кабардинскими хаджретами. С первым расправился Магомет-Аш Атажукин, со вторым — Кучук Аджигиреев. (Там же. С. 197-198). При этом, Потто с соавторами отмечают, что Магомет-Аш Атажукин и Кучук Аджигиреев являлись племянниками Али Карамурзина. (Там же. С. 197). Понятно, что приходится ему племянниками они могли только по материнской линии — соответственно их матери были сестрами Али.

Роман Борисович Гуль, беломыслитель писатель, приводит в своих мемуарах весьма и весьма показательный эпизод, связанный с отношением потомка Федора Бековича-Черкасского к теме кабардинского сопротивления в годы Кавказской войны: «Великий князь Михаил Александрович был блестящим наездником. (Великий князь Михаил Александрович являлся младшим сыном Александра III. — Прим. С. Х.). В понимании коня великому князю мало было равных. В Гатчине великий князь не раз скакал на скачках. Но самым большим удовольствием его высочества было оседлать своего кабардинца и совершенно одному скакать по полям и лесам... Любя музыку, великий князь сам немного сочинял. Особенно любил он народную восточную музыку. И в Виннице при нем был знаменитый зурнач Зубиев, который подолгу играл ему кавказские заунывные напевы. Однажды на фронте в Австрии, в Тулстуместе, когда Дикая дивизия стояла в резерве в лесу, всадники-кабардинцы пели свои национальные песни. Присутствовавший тут же, сам кабардинец, помощник командира Татарского полка князь Бекович-Черкасский при-

казал пение прекратить. Но великий князь удивленно обратился к нему:

Почему вы прекратили пение, князь?

Мне кажется, что для европейского уха оно просто ужасно.

— Нет, нет, — запротестовал Михаил Александрович, — напротив, это прекрасные напевы. Я в них чувствую что-то древнее, похожее на индусское, пусть поют...

И он не только продолжал слушать, но даже попросил князя Бековича перевести ему слова песен, чтобы записать их.

— Я могу перевести, — ответил князь, — но это песни про национального кабардинского героя князя Кучук-Аджигиреева, сражавшегося в 1830 году против русских.

Михаил Александрович засмеялся и настоял на переводе песен». (Гуль Р. Б. Я унес Россию. Апология русской эмиграции // http://www.pseudology.org/Gul/Part_02_07.htm).

В мае 1825 г. Вельяминов сообщил Ф. А. Бековичу-Черкасскому, со слов Каирбека Шогенова, о собрании 350 кабардинцев на Большом Зеленчуке выше Жантемирова аула под руководством Исмала Касаева, Кучука Аджигиреева и Джанхота-хаджи Докшукина. (Из архива князей Бековичей-Черкасских... С. 25-26).

Через два месяца после погрома Карамурзинского аула Вельяминов с отрядом, в состав которого было включено 2000 пехоты, 1500 казаков и 18 орудий, вновь вторгается в Закубанье.

23 июня 1825 г. отряд Вельяминова становится лагерем в районе Майкопа. 16 августа Вельяминов направляется против аула абадзехского старшины Аджи-Тляма: «Это был один из главнейших покровителей беглых кабардинцев, которых большая часть и поселилась вблизи его аула. Вельяминов решил истребить этот аул со всеми его полями и угодьями, а также и поля ближайших к нему кабардинцев». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 529). По мере движения к главной цели «войска... истребляли попадавшиеся им на пути аулы беглых ногайцев и абадзехов». 18.08.1825 г. Вельяминов сжигает аул Аджи-Тляма: «запылал знаменитый в горах богатством и красотой строений аул Аджи-Тлямов». (Там же. С. 530).

В этот же день, 18 августа, абадзехи атаковали часть вельяминовского отряда под начальством полковника Бековича-Черкасского: это были казаки различных полков, батальон Навагинского полка и 4 орудия. Потери русских составили убитыми — 18, ранеными — 113 нижних чинов. В этом бою получил смертельное ранение и на следующий день умер соучастник расправы над жителями карамурзинского аула — майор Дадымов, командир Кавказского казачьего полка. (Там же. С. 531). По-

лучил ранение и командир Кубанского казачьего полка подполковник Степановский.

19-21 августа 1825 г. «опустошаются абадзехские земли» за Белой. 25 августа Вельяминов возвращается в «Майкопский стан, оставив позади себя, на пути следования, длинный ряд сожженных аулов и вытопанные, опустошенные поля». (Там же. С. 532).

В сентябре 1825 г. значительные силы хаджретов и закубанских черкесов вступили в Кабарду. Во главе отрядов были Джанхот Кайтукин и Исмил Касаев. Появление хаджретов всколыхнуло все население Кабарды. В них видели спасение и возможность уйти в свободную Черкессию. В это время в народе циркулировал тревожный слух о том, что царское правительство намерено переселить всех кабардинцев на восток, в глубинные и пустынные районы империи. (Мальбахов Б. К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825). Нальчик, 1998. С. 257).

К хаджретскому движению примкнул в эти дни престарелый Бекмурза Хамурзин, старший князь в ветви князей Кайтукиных и в уделе Жамботей в целом. 28 сентября 1825 г. А. А. Вельяминов сообщил князю Ф. А. Бековичу-Черкасскому о том, что, согласно только что полученному донесению Булгакова, «мошенник Хамурзин бежал с аулом своим». (Из архива князей Бековичей-Черкасских... С. 33). Сын Бекмурзы или Мурзабека Хамурзина Бияслен, по всей видимости, по поручению отца, ездил в Закубанье для совещания с князьями, на котором обговаривались детали переселенческой операции. Чтобы перехватить кабардинцев, потоком устремившихся в Закубанье, Вельяминов приказал занять войсками район горы Канжал.

Хаджреты этим мощным походом в Кабарду не только достигли своей главной цели — увлечь за собой народ, но и отомстили за резню в ауле Али Карамурзина. 29 сентября они обрушились на селение Солдатское. В этой акции участвовал сын валия Джамбулат Джанхотов-Кучуков.

Потто отмечает, что до тех пор, пока отряд Вельяминова стоял в Майкопском ущелье, «все было спокойно на линии; поспешное же возвращение одного прежде, нежели абадзехи совершенно покорились, имело последствием разорение, в сентябре месяце, селения Солдатского». Цитируемый им Раджицкий также отмечал, что «в то время, как мы стояли в своем неприступном окопе на Сагауше, они (черкесы) успели сходить верст за 200 взад и вперед, разорили станицу, увели мирный аул, и добычей, взятой на линии, вознаградили потерю аулов, которые мы выжгли». (Там же. С. 540-541).

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.